
AD MEMORIAM

ЖИЗНЬ В НАУКЕ: ВО ИМЯ СВОИХ И ЧУЖИХ

Прошло более десяти лет с тех пор, как ушел из жизни Павел Васильевич Советов. В наши дни ему было бы лишь немногим за семьдесят пять...

Творческая деятельность неразрывно связала этого Человека с Институтом истории Академии Наук Молдавии. Здесь с 1955 по 1991 гг. он прошел непростой, но достойный путь Ученого – от аспиранта до члена-корреспондента. Здесь с 1965 г. и до самой кончины руководил коллективом, занимавшимся историей средневековой эпохи. Тут росли как исследователи известные теперь всей стране его ученики. Как Учителя помнят профессора П.В. Советова и тысячи выпускников юридического факультета Кишиневского Государственного университета, где он преподавал с 1959 по 1985 гг. Можно сказать, нисколько не кривя душой: свою жизнь Павел Васильевич совершенно созна-

тельно отдал тому, чтобы превратить рассказы по истории в историческую науку.

Чтобы ощутить крупномасштабность П.В. Советова, достаточно было с ним хоть раз поговорить, услышать его выступление, а то даже и просто понаблюдать за ним. Чтобы убедиться в этом, теперь стоит почитать оставленные потомкам статьи и книги. Однако для глубокого понимания и объективной оценки его Личности необходима большая исследовательская работа. По этой причине избранный мною жанр – краткий очерк о Павле Васильевиче, на основе личных впечатлений, рассказов хорошо знавших его людей, научных публикаций и некоторых документов из семейного архива. Важным подспорьем в работе над темой стали материалы, любезно предоставленные С.И. Советовой-Пармакли, которой я искренне благодарен за доверие и помощь.

Корни

«Советов» отнюдь не происходит от революционного псевдонима и не имеет отношения к Советам рабочих и крестьянских депутатов, появившимся в классовых бурях начала XX в. Такую фамилию издавна носили предки Павла Васильевича по отцу – заброшенные судьбой на окраину огромной империи русские люди, лояльные к ее законам и верующие. Она очень подходила семье деда, представлявшей еще только нарождающуюся, но чрезвычайно уважаемую сельскую интеллигенцию Бессарабии т.н. «разночинского периода».

Дед П.В. Советова с 21 года учительствовал, обучая грамоте крестьянских детей в различных селах юга губернии: Шерпены, Пугочены, Пелиней Молдовень, Фрикацей. В архивном свидетельстве 1884 г. о начинающем педагоге говорится: «Учитель-заведующий Николай Елисеевич Советов, воспитывался в Байрамческой* учительской семинарии, приобрел свиде-

тельство на звание народного учителя в Кишиневской мужской прогимназии» (НАРМ. Ф. 5, оп. 5, д. 55, л. 163).

Спустя годы Н.Е. Советов стал добрым наставником для своего брата Елисея, который был на 16 лет моложе. О нем, в 1899 г. только назначенном учителем Комратского мужского училища, в конфиденциальном уведомлении на имя губернатора сообщалось: «По собранным сведениям Елисей Советов, как в нравственном, так и в политическом отношении ни в чем предосудительном не замечен» (НАРМ Ф. 316, оп. 5, д. 3217, л. 86). Не приходится сомневаться, что благонадежностью и правильностью он во многом был обязан старшему брату. Не случайно в рапорте начальству (1900 г.) занявший должность учителя хора, гимнастики и садоводства Елисей Советов прямо ссылался на его авторитет: «Ноты изучал, будучи воспитанником Ренийского городского училища, и у брата моего, который состоит учителем в с. Карагаше Измаильского уезда, у которого до получения учительско-

* Ныне село Николаевка-Новороссийская Саратовского района Одесской области Украины.

го места я практиковался управлять хором» (НАРМ Ф. 316, оп. 5, д. 312, л. 195, 197). У обосновавшего в болгарском селе Карагач (теперь Нагорное Ренийского района) народного учителя Н.В. Советова и его жены «фельдшерницы-акушерки» родился в 1899 г. сын Василий.

Родители определили мальчика в знаменитую болгарскую гимназию, воспитавшую множество выдающихся деятелей, прославивших себя в России, Болгарии и Румынии. Он завершил ее в 1919 г., а вскоре стал студентом Медицинского факультета Бухарестского университета.

Дед по матери, богатый еврейский торговец Михаил Вильдерман, владел на Дунае пароходами. Жenu возил на воды в Баден-Баден. В их богатом доме росло три дочери, которым отец стремился дать хорошее образование. Родившаяся в декабре 1903 г. в Рени Элеонора окончила в 1921 г. Измаильскую гимназию, а осенью 1922 г. уехала на учёбу в Политехнический институт Бухареста.

Василий Советов, еще с 1917 г. участвовавший в левых гимназических организациях и публиковавший статьи в школьном журнале «Красный карандаш», быстро стал лидером Общерумынского студенческого общества. Его избрали председателем Общества бессарабских студентов в Румынии, которое сыграло важную роль в массовом движении протеста против террора королевской власти на оккупированных землях. В 1921 г. В.Н. Советов организовал в Бухаресте первую в истории Румынии забастовку бессарабских студентов, выразивших решительный протест против политического режима в Бессарабии. В 1922-1923 гг. руководил координационным центром, обеспечивавшим связь запрещенной коммунистической организацией Бессарабии с оставшейся в то время ещё легальной Компартией Румынии. Возглавлял организацию бессарабских коммунистов в Бухаресте. В 1923-1924 гг. по заданию ЦК выполнял особое партийное поручение по сплочению революционных сил, находящихся в политэмиграции в Германии. Одновременно он ведал снабжением литературой, необходимой для партийной работы в Румынии и Бессарабии, мобилизовывал общественное мнение за рубежом против террора и беззакония в Бессарабии, работал в Советском торгпредстве в Берлине.

В 1923 г. супругой В.Н. Советова стала Элеонора Вильдерман, вместе с ним входившая в шарлоттенбургскую партиячку Берлина. Ещё школьницей она участвовала в революционном

движении, будучи с 1921 г. членом подпольной комсомольской организации в Измаиле. Ко времени их встречи Элеонора пережила арест и пытки сигуранцы – румынской политической полиции. В Бухаресте ее как члена Компартии Румынии дважды арестовывали по подозрению в организации побега из тюрьмы секретаря ЦК Павла Ткаченко, а также за распространение газеты «Правда» и других запрещенных изданий. В условиях постоянных преследований она вынужденно выехала в Берлин, где в 1924 г. закончила рентген-техникум.

По возвращении в Румынию Советовы находились под постоянным надзором полиции. Элеонору Михайловну арестовали и направили под конвоем для принудительного местожительства в Измаил. Однако уже несколько дней спустя она выехала в Кишинёв по заданию ЦК для нелегальной работы в качестве секретаря подпольного обкома комсомола Бессарабии (конспиративное имя Елена). В 1925 г. за революционную деятельность ее дважды арестовывали, а затем военно-полевой суд заочно приговорил к 10 годам тюремного заключения по известному «процессу 65». Затем по решению ЦК, подобно другим осуждённым заочно, она вновь эмигрировала – вначале в Берлин, а позднее в Вену. Вернувшись в 1926 г. в Бухарест, была избрана секретарём ЦК комсомола по агитации и пропаганде. Участвовала в конференции комсомольских организаций Балканских стран в Вене и Пленуме Коммунистического Интернационала молодёжи в Москве (по паспорту Евгения Бубличек, конспиративное имя Мариора), работе VII расширенного Пленума Коминтерна, где комиссию по вопросам коммунистического движения Румынии возглавлял Георгий Димитров. В 1927 г., в связи с арестом первого секретаря ЦК комсомола Х. Лившиц, исполняла обязанности первого секретаря ЦК комсомола. Однако вскоре была арестована и заключена в военную тюрьму Кишинёва.

В.Н. Советова после возвращения из Германии ЦК партии направил организовать Буковинский (Черновицкий) обком партии, первым секретарем которого он являлся в 1925-1926 гг. Несмотря на все трудности подпольной работы революционера, в 1927 г. ему удалось получить диплом доктора медицины и хирургии. Свою дипломную работу «Туберкулезное воспаление среднего уха» он защитил с высшей оценкой «10».

В том же году 11 ноября у Василия и Элеоноры родился сын Павел.

«Судьба семьи в судьбе страны»

Сначала мальчику хотели дать имя Октябрь, но затем назвали в честь погибшего революционера Павла Ткаченко. Несмотря на свою полную опасность деятельность, родители позаботились, чтобы их ребенок рос в благополучной обстановке покоя и достатка. Отец практиковал частным образом, и Павел Васильевич часто вспоминал образцовый бухарестский кабинет врача, известный под вывеской «SAVETOV». Он также хорошо помнил теплую атмосферу богатого дома родителей мамы, где дед и бабушка окружали внука неизменной еврейской заботой. На всю жизнь он полюбил город своего детства и отрочества – Бухарест.

Разумеется, ребенка оберегали от тех знаний о родителях, которые могли его травмировать. Он не подозревал, что мать из-за революционной деятельности не смогла закончить юридический факультет Бухарестского университета. Ему долгое время не было известно, как мама, арестованная в 1929 г. за организацию массовой политической демонстрации, вместе с другими революционерами в знак протеста объявила голодовку. Ее тогда отправили в Кишинёв, затем в Болград, откуда на 13-й день голодовки в декабрьский мороз под конвоем погнали пешком в Измаил для принудительного местожительства. Между тем, в 1930-31 гг. Э.М. Советова вела активную работу в массовых легальных организациях рабочих. С 1933 г. являлась инструктором ЦК Компартии Румынии по работе среди женщин и детей. Входила в руководство организаций «Женский фронт борьбы против войны и фашизма», «Защита

Элеонора Михайловна Советова (1903–1986).

матери и ребёнка», «Женский фронт», представляла партию в редакции газеты «Путь женщины». Ее вновь неоднократно арестовывали за организацию забастовок и политических демонстраций.

Тем временем отец ведал вопросами использования легальных возможностей борьбы, представляя Центральный комитет партии в массовых организациях: сначала в АМР («Рабочая помощь Румынии»), а затем в коммунистической фракции руководящего органа «Рабоче-крестьянского блока». После объявления этой организации вне закона в 1933 г., он обеспечивал партийное руководство созданной взамен ей «Лиги Труда». В.Н. Советов являлся членом комиссии и делегации ЦК КПП по созданию Народного фронта, одним из организаторов «Общества друзей СССР» в Румынии и делегатом от партии на съезде Крестьянского союза, возглавляемого Петру Гроза. Совместно с П. КонстантINESКУ-ЯШЬ он осуществлял руководство массовой организацией «Синдикат врачей», созданной в противовес профашистской «Ассоциации врачей».

В 30-е годы В.Н. Советов по заданию ЦК обеспечивал выпуск легальных изданий Компартии – книг, журналов, статей в газетах. В 1932 г. совместно с Барбу Захареску (будущим представителем КПП в журнале «Проблемы мира и социализма») написал первую в Румынии книгу об Октябрьской революции и достижениях Советской власти. Из печати вышло 5000 экз. работы «СССР спустя 15 лет», но подавляющую часть тиража сигуранца конфисковала в типографии. Удалось распространить только 70 книг. В.Н. Советов был за это арестован и осужден на 6 лет тюрьмы.

Об этом и многом другом взрослеющий Павел мог только догадываться. Он учился в элитной бухарестской гимназии «Матей Басараба», находившей под покровительством королевской семьи.

А потом наступило лето 1940 г. В считанные часы семья Советовых покинула Бухарест, бросив множество ценных и дорогих вещей: медицинское оборудование, мебель, утварь, книги. Отец впопыхах забыл на рабочем столе даже свой любимый «паркер»...

Из предметов интерьера того времени удалось спасти только Большую энциклопедию издания 1903 г., хранящуюся теперь в семье дочери – Елены Павловны Советовой. Сохранились чудом и старые фотографии, запечатлевшие на пожелтевшей бумаге лица дедушек и

Василий Николаевич Советов (1899–1965).

бабушек Павла Васильевича, сестер Элеоноры Михайловны, других близких людей. Все они бережно обрамлены и составляют гордость семьи. Эти реликвии, окружающие Инночку – внучку, которую П.В. Советов никогда не видел, но которая прекрасно знает своего дедушку, напоминают о непрерывности жизни и необходимости беречь связи с прошлым.

Вернувшись, по согласованию с Компартией Румынии, в родные края, Советовы с головой окунулись в новую работу – медицинское обслуживание населения на юге Бессарабии пребывало на чрезвычайно низком уровне. Василий Николаевич возглавил в Измаиле городское здравоохранение, Элеонора Михайловна стала заведующей Отделом охраны материнства и детства («охматдетом», по терминологии того времени). Павел пошел в советскую школу. Хотя в семье всегда говорили по-русски, грамматики он почти не знал. Первое же сочинение было испещрено красными чернилами и оценено «неудом». Всю мелочность этой трагедии он понял вскоре, когда был арестован и навсегда исчез дед Михаил. Его не спасли от расстрела революционные заслуги дочерей, которых он не раз попросту выкупал из застенков румынской охранки. Не смогли заступиться за тестя и влиятельные зятя, хотя один из них занимал высокий пост в ленинградском НКВД.

Потом началась страшная война... После эвакуации на восток под неотступным страхом бомбежек и обстрелов, началась нелегкая жизнь семьи военных медиков. Отец, как офицер Красной Армии, был сначала заместителем, а затем начальником военного госпиталя. С 1943 г. и до конца войны совместно с госпиталем находился в действующей армии. Мать с 1941 по 1945 гг. также работала в военном госпитале.

Брянский, Калининский, Прибалтийский фронты. Из-за переездов с госпиталем сыну приходилось менять за учебный год по 2-3 школы. Трудно даже представить, что это была за учеба. Затем он поступил учиться в артиллерийское училище в Москве. К счастью, война закончилась задолго до предполагаемого офицерского выпуска Павла...

Доучиваться Павел вернулся в Измаил. Сюда после демобилизации возвратились на свои рабочие места родители. В 1947 г. отца избрали заместителем Председателя Измаильского областного исполнительного комитета, а мать заместителем председателя исполкома горсовета Измаила. Сын иногда заставлял беспокоиться родителей. Однажды наряд пограничников задержал его выходящим из Дуная на... румынский берег. Оказалось, Павел поспорил с друзьями, что переплывет реку.

Он мечтал в то время о карьере дипломата. Однако, несмотря на хорошее знание французского языка и высокие оценки на вступительных экзаменах, в МГИМО его не приняли. Семья, революционные, боевые и трудовые заслуги которой были отмечены орденами и медалями, числилась в списке неблагонадежных. Из-за румынского прошлого, из-за богатого дедушки, из-за еврейской линии, из-за «дела врачей»... У родителей неоднократно отбирали партбилеты. Они чудом избежали участи деда. Вероятно, помогли и близкие друзья, занимавшие руководящие должности в Киеве и Бухаресте. Да и времена мало-помалу изменялись.

Павел поступил в Одесский медицинский институт, но быстро оставил не привлекавшую его учебу. Затем он стал в Одессе студентом юридического факультета госуниверситета, который успешно закончил в 1952 г. и уехал в Молдавию. Его направили работать заместителем прокурора в расположенный неподалеку от Кишинева поселок Страшены.

Его родители с 1951 г. проживали в Одессе, но Советовы уже никогда больше не входили в состав руководящих работников партийных и советских органов. Мать до выхода на пенсию в 1958 г. работала в рентгенкабинете городской клинической больницы. Василий Николаевич сначала был директором городской клинической больницы, затем главным врачом Одесского курортного управления и до конца жизни возглавлял отдел Научно-исследовательского института Курортологии и физиотерапии. Уже на склоне лет, будучи персональным пенсионером, он занялся всерьез научной работой и издал 28 исследований по медицине, в том числе несколько монографий. Некоторые из них – «Неаппаратная физиотерапия», «Искусственные

минеральные воды и их лечебное применение» – не утратили своей практической значимости до сих пор. Когда в 1965 г. В.Н. Советов умер,

Элеонора Михайловна поменяла одесскую квартиру в доме 28 по улице Чижикова и переехала к сыну. Она умерла в Кишиневе, дожив до 83 лет.

«Гениальный самоучка»

В настоящем номере журнала читатель может познакомиться с книгой П.В. Советова, посвященной истории обычного права и законодательства в средневековой Молдавии. В очерках, сделанных на материалах лекций, читанных в студентам-юристам, проанализирован обширнейший круг грамот молдавских господарей и Уложение Василия Лупу.

Павел Васильевич приводит убедительные свидетельства тому, что появление Кодекса 1646 г. было естественным результатом социально-экономического развития страны. Уложение было составлено не как слепая компиляция европейских законодательных сводов, а результат целенаправленных действий со стороны верховной власти. Хотя молдавские законодатели активно использовали кодекс П. Фаринацци, они его творчески переработали, опираясь на достижения местной юридической мысли. Синтез оказался достаточно удачным, поскольку сформулированные вновь важные юридические нормы действовали в Молдавии на протяжении долгого времени.

Законодательство имело совершенно определенную дискриминационную направленность. Введение устрашающей своей жестокостью системы наказания крестьян точно отражало интересы знати и правителя. Правовые нормы, как и во многих странах того времени, утверждали фактическое и формальное неравенство людей относительно данного преступления и наказания.

П.В. Советов – курсант артиллерийского училища. Москва, март 1945 г.

Убедительно показано, что Уложение Василия Лупу – это яркий памятник всевластия молдавских бояр и слабости лишенных привилегий служилых людей. Оно также отразило борьбу не скрывавшего олигархических устремлений боярства с господарем, всячески пытавшимся удержать свое доминирующее положение.

Сам автор назвал этот неопубликованный труд «Преступление и наказание». Читая его, легко убедиться в том, что П.В. Советов был крупным историком, экономистом и юристом.

Однако его главным делом являлись фундаментальные исследования. Об этом ещё три десятилетия назад академик Л.В. Черепнин написал: «Труд П.В. Советова перспективный, так он далеко выходит за рамки истории Молдавии, рассматривая общие проблемы феодализма». Вряд ли теперь найдётся уважающий себя историк, который бы не знал монографий «Исследования по истории феодализма в Молдавии (очерки истории землевладения в XV-XVII вв.)» и «Развитие феодализма и крестьяне в Молдавском княжестве (очерки истории ренты XVI – нач. XVIII вв.)». Этим двум солидным произведениям, несомненно, предопределена гораздо более долгая, чем у их автора, жизнь. Сам Павел Васильевич говорил о третьей большой работе – «Замедление экономического развития Молдавии в условиях турецкого ига (XVI – 70-е годы XVII вв.)». Она целиком вошла в первый том «Истории народного хозяйства Молдавской ССР», отмеченной Государственной премией республики.

Много внимания и сил учёный отдал созданию серии научных сборников отдела, обобщающих трудов и многотомной коллекции средневековых документов «Молдавия эпохи феодализма». Ряд лет он возглавлял научно-координационный совет, научный семинар, обсуждавшие (порой очень бурно) закономерности развития феодализма. По его инициативе и при деятельном участии в Кишиневе прошли большие научные форумы (1972, 1989 гг.), собравшие цвет исторической науки Советского Союза.

Важнейшим вкладом в исследование эпохи Средневековья является разработанная П.В. Советовым типология феодализма. В период, когда во главу угла всякого исторического движения ставилась классовая борьба, он заявил о необходимости изучать противостояние государственного и частного начал в средние века. На материалах Молдовы XV-XVIII вв. из

архивов бывшего СССР, Румынии, Польши и Болгарии учёный демонстрировал, как взаимодействие этих «полюсов» отражалось на развитии собственности, социальном составе населения и его эксплуатации. Задолго до объявленной М.С. Горбачевым «перестройки» он уже говорил об изъянах чрезмерного огосударствления, выражавшихся в тормозе для экономики, раздутости слоя чиновничества, гипертрофированности городов. Рассматривая соотношение государственных и частных форм общественных явлений во времени, П.В. Советов на конкретных примерах показывал варианты их причудливого, а нередко уродливого сосуществования. Его построения, актуальные и для современного этапа, выдвинули учёного в первый ряд советских мыслителей ещё в 60-е гг. минувшего века.

Как и все «шестидесятники», П.В. Советов был неисправимым романтиком. Он стремился соединить марксистскую теорию общественно-экономических формаций со своей типологией, говоря об изучении исторического процесса «по вертикали» и «по горизонтали». В его планах, в создании которых участвовали учёные из Москвы и других научных центров, было применение типологического метода во всемирном масштабе. Только в конце жизни учёный признал, что попытки разделить Старый Свет на участки между специалистами для анализа с одних и тех же теоретических позиций являлись утопией. Однако может быть, как раз «утопизм» и привёл П.В. Советова к созданию типологической модели, – по сути дела, варианта доминирующего в наши дни цивилизационного подхода.

Показательна отнюдь не заказная рецензия на его первую монографию, опубликованная польским журналом по истории и праву. В ней варшавский учёный Станислав Руссоцкий подчеркнул необычайную обширность исследований П.В. Советова в области форм феодализма в Молдавии, а также всесторонний, в том числе количественный, анализ источников. Свежесть нового взгляда на старую проблему, строгая научность работы и неординарность выводов неизвестного прежде коллеги привели рецензента к заключению, вызывающему гордость за молдавскую историческую науку того

П.В. Советов – студент юридического факультета Одесского университета.

времени. С. Руссоцкий писал: «Точность фактографического анализа, с одной стороны, и широта теоретического видения анализируемых проблем, с другой, делают эту книгу одной из ценнейших монографий по вопросам феодальных отношений, появившихся в современной советской науке» (*Czasopismo Prawno-Historyczne*. Т. XXXI. Zeszyt 2. 1974: 276).

Через всю жизнь он пронес благодарность зачинателям академической науки в Молдавии: Я.С. Гросулу, Н.А. Мохову, Е.М. Руссеву. Это они, проявив мужество, открыли ему путь в науку после фактического выдавливания из органов правосудия. (Выданная П.В. Советову справка о том, что он лишился работы вовсе не из-за родителей, свидетельствует, скорее, об обратном). Помог и друг семьи, известный писатель Ем. Буков, связанный с Павлом Васильевичем теплыми и доверительными отношениями.

В Москве П.В. Советов дружил с Владиславом Назаровым. Добрые отношения сложились у него с Л.В. Черепниным и В.Т. Пашуто. Его высоко ценили Н.С. Горская и А.А. Горский, Л.Е. Семенова и А.П. Новосельцев. Многие другие. А неподражаемый В.Д. Королюк как-то воскликнул: «Ты, Советов, гениальный самоучка».

В самом деле, у него не было высшего исторического образования. Его интеллектуальная основа шла от корней.

Ненаписанное завещание

Павел Васильевич нередко удивлялся вслух: «Не понимаю, как можно украсть идею?» Свои собственные идеи, напротив, он сообщал всем, пропагандировал и дарил. Он с готовностью отдавал ученикам не только идеи, но и собранные им документальные материалы, предлагал ав-

торские методики – инструменты анализа данных. Это были своего рода модели диссертаций как конструкторы «Три в одном». Жаль только, что далеко не все из них оказались собранными и, особенно, что, некоторые из удачливых сборщиков предпочли бы об этом не помнить...

После П.В. Советова осталось немало бумаг с планами работ, наметками сюжетов, обоснованием суждений. Одни из них исписаны его неровным, как у не очень прилежного школьника, почерком, другие отпечатаны на машинке. Их содержание, как представляется мне, чрезвычайно интересно с точки зрения возможностей последующей реализации. Задача для тех, кто взял бы на себя этот нелегкий, но почетный труд, облегчается тем, что стартовые позиции исследования ясны, определены направления поиска и основные проблемные узлы.

Одна из недописанных работ – большая монография, озаглавленная «Крестьяне, государство и землевладельцы в Молдове XV-XVIII вв. (опыт типологизации)». Это была четвертая из серии его монографий, охватывающих разные аспекты развития молдавского средневековья. В своем академическом отчете за 1990 г. Павел Васильевич указывал: «Новая книга рассмотрит вопрос об иммунитете молдавской средневековой вотчины, т.е. проблемы соотношения частного и государственного господства над крестьянами с выходом к теоретической проблеме огосударствления и разгосударствления и исторического воплощения этих процессов в истории Молдовы. Проблема весьма актуальная для сегодняшнего дня для понимания молдавских традиций в процессах разгосударствления». Эту труд объемом 20 а.л. он планировал завершить к 1992 г., но успел подготовить лишь отдельные главы...

Замысел другой монографии «Город и общество» сохранился только в виде плана и нескольких абзацев текста на трех листочках А4, исписанных с обеих сторон его рукой. В пояснениях к плану автор писал об ограниченности «нетипологизированной формационной схемы» (имеется в виду канонизированная в СССР марксистская теория общественно-экономических формаций – пресловутая «пятичленка»). Ее строгие последователи не видели и не понимали того, почему города переживали упадок в христианской западнотерраситиморской цивилизации в условиях, когда господствовала сеньориальная модель. Зато там, где было сильным государство, города стали центрами средоточения львиной доли прибавочного продукта. «Вот почему восточные цивилизации долгое время знали более высокий удельный вес городского населения, чем в Европе, и положение стало меняться в обратную сторону лишь позже, после XIV-XV вв.»

Конечно же, и это исследование он предполагал провести с точки зрения типологии огосударствления и разгосударствления. При этом перечислены несколько вариантов этих процессов: «1) в условиях юридического господства

частной собственности и экономических отношений собственности огосударствления; 2) в условиях огосударствления и юридического и экономического; 3) смешанный вариант; 4) чистого огосударствления тотального; 5) наслоения государственных над частновладельческими; 6) из-под господства государственных вызревания частных, юридически не оформленных».

Его очень интересовали судьба государства в условиях «огосударствления» и «разгосударствления», свобода и зависимость. Он разделил две модели социальной лестницы. В огосударственных обществах на передний план выходили должность, доход от службы, государственная иерархия, звания, оклады. В разгосударственном обществе модель определяли размеры частного богатства и его юридическое оформление государством.

В хаосе горбачевского «ускорения» он поставил в план исследования вопросы распределения прибавочного продукта, формирования бюджета, характера налогообложения. Но особенно современно звучит пункт об «экономических методах огосударствления и разгосударствления с помощью финансовой политики обеспечения налогов и рент».

В условиях, когда, стремясь к современному рынку западного образца, вся страна в мгновение ока превратилась в средневековый базар, он наметил изучение трех типов рынка: «казенный рынок, частный рынок чистой конкуренции, регулируемый государственный рынок». Здесь его интересовали рамки конкуренции, вопрос тождественности или альтернативности социально-регулируемой и регулируемой государством экономики.

Что-то от понимания Й. Хейзинги просматривается в определениях П.В. Советова, относящихся к многократно оболганному и бесконечно доверчивому народу. «Маски общества, маски неравенства. Циклы вечного неравенства со сменой масок. Эгалитаризм огосударствления», – таким формулировка, наверное, мог бы позабавить и сам Ф. Бродель. Особенно злободневным для постсоветского пространства выглядит ракурс социальной стратификации и мобильности: «Родственные отношения и иерархическая структура. Система наследования».

Кроме традиционных для исследователя сюжетов, в этой работе он предполагал вторгнуться в новую для себя область научного познания – социальную психологию. Но и здесь проблема была сформулирована по-советовски: «Менталитет общества огосударствления и разгосударствления». Он намеревался показать самопонимание в разных мировых религиях, мировых и очаговых цивилизациях. Используя

метод системной компаративистики, предполагалось проецировать такой взгляд на христианство (католицизм и православие), ислам, конфуцианство, буддизм. Идея состояла в том, чтобы «столкнуть» не только Европу и Азию, но также «азиатчину» и «евроцентризм».

Ряд проблем, отмеченных П.В. Советовым в рассматриваемой рукописи, безусловно, имеет общеполитическое звучание. Более того, исследователь тут же предлагал и решения. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые пункты плана целиком:

«Нищета и подавляющая помпезность огосударственных обществ. Гипертрофированная урбанизация как системный эффект огосударствления.

Обратимость и необратимость в процессах типологического сдвига огосударствления и разгосударствления. Типологический сдвиг: эволюция и революция.

Формации и цивилизации – конвергенция подходов при системном понимании огосударствления и разгосударствления:

- 1) огосударствление и разгосударствление при системном подходе;
- 2) огосударствление и разгосударствление при цивилизационном подходе;
- 3) конвергенция – будущее исторической науки.

Является ли история мировой цивилизации циклической историей смен огосударствления и разгосударствления?»

Можно ли сомневаться, что решение хотя бы одной из этих задач сделало бы честь любому ученому и выдвинуло бы его имя в когорту выдающихся мыслителей современности.

В последний год жизни П.В. Советов был поглощен подготовкой проекта для участия в конкурсе по разработкам приоритетных направлений и тем, объявленном в Москве Академией наук СССР. Будущее исследование получило название «Огосударствление и разгосударствление в сравнительно-историческом изучении Молдовы и других регионов Евразии (типологический аспект)». Сохранился текст обоснования заявленной им темы. В ней автор констатировал, что его многолетние исследования истории Молдовы позволили проследить несколько сменяющих друг друга периодов огосударствления и разгосударствления общества. Это открыло типологические условия форм перехода и сдвигов от одной тенденции к другой, а также внутренние и внешние предпосылки, структурообразующий механизм и пути осуществления этих процессов на разных «этажах» общества. Речь шла не только об экономическом, социальном, политическом, культурном уровнях, но также и о «соответствующем мен-

талитете, сопровождающем огосударствление и разгосударствление». Глубокой убежденностью ученого проникнуты следующие строки: «Особенно богатый сравнительно-исторический материал Молдова дает при сопоставлении с другими регионами Евразии по вопросу внутриформационной типологизации изучаемых процессов, для выявления часто смешиваемых в историографии процессов огосударствления и разгосударствления при межформационных сдвигах перехода от одной ступени к другой, со сдвигами внутри формационными по вертикали или горизонтали».

Исследователь подчеркивал, что проведенный им ранее сравнительный анализ показал возможность типологизации параметров сходных процессов для разных этапов раннеклассовой, античной, средневековой, новой и новейшей истории различных регионов Европы и Азии, а в определенной мере Африки и Америки. По его мнению, у многих народов огосударствление и разгосударствление прослеживаются как структурообразующие тенденции, в виде реализации явления, пробивающегося по спирали развития в общей закономерности или в ситуации «смены в круге» для локальной или особой цивилизации.

В условиях надвигающейся катастрофы огромной страны он ясно видел прикладное значение этой «сугубо фундаментальной по замыслу» разработки. «Мыслится, что предполагаемая работа (...) полезна для преодоления современной догматической волны порой исторически некомпетентной интерпретации (в политических и законодательных планах, а также в публицистике) постановки вопроса о типологических путях разгосударствления общества в СССР без должного учета исторического опыта, как мировой цивилизации, так и российской традиции в вопросах огосударствления и разгосударствления».

П.В. Советов считал, что за 3-4 года реально подготовить или монографическое исследование, или серию последовательных очерков, «проникнутых единым целым типологическим подходом». Он не настаивал на индивидуальном характере работы, и готов был сделать этот труд коллективным, «если при рассмотрении на конкурсе найдутся историки, серьезно желающие продолжить совместно (по разным регионам Евразии) поиск, который мною ведется в течение многих лет». Последняя фраза этого документа и сегодня звучит тревожно: «В данном случае важен не приоритет, а научный результат этого фундаментального исследования, так необходимый сейчас нашей стране и политикам, решающим ее судьбы и нуждающимся в фундированном историзме подхода к разгосударствлению».

Он выиграл этот конкурс. Очень радовался. Строил планы. Собирался отойти от административных дел, чтобы создать вокруг себя небольшую творческую группу и сосредоточиться на главном. Уступая во многом другому, относительно занятий наукой Павел Василье-

вич постоянно твердил: «Мы должны быть впереди».

Звучащие как завещание слова я слышал в последний раз за несколько недель до его кончины... Советскому Союзу также были отменяны считанные недели. Шло лето 1991 г.

Штрихи к знакомому профилю

Личная жизнь П.В. Советова складывалась непросто, хотя по внешним признакам все выглядело достаточно гладко. Еще не раз препятствием становились пресловутые «румынско-еврейские корни». Павел Васильевич открыто говорил, что без принесённых перестройкой перемен дорога в члены-корреспонденты Академии наук была бы для него закрыта. Вообще говоря, его всегда лучше понимали за пределами Кишинёва: свой среди чужих, чужой среди своих – он нередко оказывался в подобной ситуации. Увы, такова печальная участь многих из числа лучших бессарабских интеллектуалов.

Его неизменными работой и хобби оставалась наука. Он великолепно знал источники. По характеру текста легко определял время составления документа. При этом тонкое чувство материала удивительным образом сочеталось в нем с неопровержимой доказательностью суждений. Последнее качество, вероятно, шло от его юридического образования. Не случайно он так высоко ценил старую историко-юридическую школу российской науки. Восхищался классической работой М. М. Ковалевского о племенах...

Он переживал, когда его справедливо критиковали за тяжелый стиль изложения материала в статьях и книгах, но чтобы научиться свежести подачи материала, прочитал многие работы Ф. Броделя. Свои литературные недочеты компенсировал человеческим отношением к материалу. Для него очень важно было понимание со стороны читателя. Поэтому Павел Васильевич просил почитать написанный им текст и отметить все пассажи, где возникают какие-либо вопросы. Он не терпел неопределенности в формулировках, поэтому предпочитал, гуляя, по несколько раз их проговаривать. А потом, записав свои мысли на бумаге, чуть ли не с азартом выискивал в тексте лишние слова. Говорят, в молодости он водил с собой целые компании коллег и, щедро угощая их, излагал им свои научные взгляды.

Вообще, П.В. Советов никогда не боялся сказать «не знаю», «не понимаю». Он оставался любознательным всю жизнь. И всю жизнь учился, духовно развивался. Изучал Восток, чтобы понять Молдавию. Углублялся в историю религий, чтобы установить связь верова-

ний с социально-экономическими процессами. Воспитанный родителями-атеистами, в конце жизни он часто говорил о боге как о вселенском банке данных. Пытался выявить закономерности соотношения исторического пространства и времени.

Как потребитель информации он выглядел непритязательным и где-то даже всеядным. Читал подряд новинки в толстых журналах. Любил перечитывать А. Дюма и А. Платонова. Любил послушать разную поэзию – М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова и Ф. Тютчев, С. Надсон. Впрочем, стихи, как правило, не цитировал. Ему нравился театр: Таганка Ю. Любимова, оперетта. Он любил и хорошо знал романсы, как русские, так и румынские. С удовольствием слушал А. Вертинского и П. Лещенко, то и дело полунапевая-полубормоча «Чубчик кучерявый». В кино ему были по душе итальянский неореализм и картины А. Тарковского. Его остро задел фильм Бергмана «Земляничная поляна». Воспоминания пожилого человека о детстве и юности переживал как свои. По всей видимости, таким образом он наверстывал то, что упустил в старших классах, пришедшихся на военные годы...

Однако было здесь и нечто другое, восходящее к его преданности науке. Это качество можно назвать профессиональным осмыслением всякой информации. Он во всем стремился ощутить «вкус эпохи». Вникая в ход моды и новые веяния в литературе, всегда находил что-то для своих построений. Ходил смотреть индийские фильмы совсем как антрополог. Для него было важно понять, как индусы воспринимают сами себя. П.В. Советов буквально впитывал и перерабатывал массу сведений о неизвестных явлениях, событиях, личностях, выплеснутую в советское общество эпохой гласности.

В быту П.В. Советов слыл барином. Любил природу, элегантную одежду и красивых женщин. Был нетороплив и наблюдателен. Тактичен. Деликатен. Любил посидеть в ресторане и хорошо покушать. Однако пил мало и не любил пьяных. Почти всегда работал по ночам, а потому, отключив телефон, спал допоздна. Презрительно относился к материальному стяжательству. Видевший не раз в жизни, как в один миг улетучивался достаток, часто повторял:

«Богатство – труха». Может быть, поэтому и бывал щедр: мог подарить книгу, просто так пригласить на обед сотрудников, отказаться от премии в пользу подчиненных. Мне, например, заведующий отделом без всяких церемоний презентовал сразу три дефицитных «подписки» на произведения классиков – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Окружающим с ним было легко. Он никогда не лез в душу и был пунктуален в обещаниях. В каждом своем подопечном и знакомом умел найти изюминку. Правда, Павел Васильевич считал, что не очень разбирается в людях. Тут он предпочитал доверяться диагнозам П.П. Бырни. Двух выдающихся медиевистов Молдавии, любовно называвших друг друга «Советыч» и «Бырнечка», связывала долгая и верная дружба.

Он был пластичным и легко ранимым человеком. Не принимал крайние позиции. Страшно переживал, когда его не выпускали в научные командировки за границу. Так было с аграрным симпозиумом в Италии (1979 г.), куда его в числе узкого круга ученых из СССР пригласил авторитетный оргкомитет форума во главе с Ф. Броделем. Он был «невыездным» из-за своего происхождения. Далее Румынии и Болгарии не ездил, хотя наивно надеялся, что его высокие научные титулы смогут взломать невидимые замки.

Отношения с властью у него, мягко говоря, были своеобразными. Сын профессиональных революционеров, доктор исторических наук, профессор права, член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственных премий МССР П.В. Советов никогда не состоял в партии. На вопросы по этому поводу отшучивался моральной неустойчивостью: «Ты же знаешь, я столько раз был женат». А по большому счету он не мог простить большевикам массовых расстрелов, загубленного ими деда. Прочитав в «самиздате» и по-своему сильно прочувствовав книги А.И. Солженицына, он очень разошелся в своих оценках советской истории с трижды незаслуженно исключенными из партии родителями. И если с отцом общий язык находил, то революционный фанатизм матери принять не мог. Он как-то даже позволил себе сказать, что от репрессий Сталина ее, возможно, спасла ... сигуранца.

Вместе с тем, его отличала снисходительность к человеческим слабостям. Он терпимо относился к людям другого склада и не любил выяснять отношений по пустякам. Когда его травили, обливали в газетах грязью, находил в себе выдержку, чтобы не отвечать на провокации. Впрочем, умел сражаться. Не авторитетом, а аргументами. Сохранился текст его речи на институтском собрании конца 1986 г., оза-

главленный «Перейти от конкурса бумаг к конкурсу идей (размышления по поводу перестройки)». В нем говорится: «Пора «бумажных кляуз» последнего года, которые будоражили коллектив и историков республики, с перестройкой ничего общего не имеют, они преследовали субъективные интересы получения взамен «престижных бумаг» и доходных кресел. Но зато отвлекли всех нас от обсуждения действительно насущных вопросов...» Почти беспристрастная констатация. Однако те, кому приходилось видеть выступления П.В. Советова, хорошо помнят как убежденно и емко звучали его слова. Это был прекрасный оратор, эмоциональный и артистичный независимо от того, произносил ли заранее подготовленные тексты или сиюминутные экспромты. Он часто бросал в лицо недружелюбно настроенной аудитории истину, сформулированную еще в эпоху Просвещения: «Я ненавижу ваши убеждения, но готов отдать жизнь за ваше право их высказывать». Подлости и предательства Павел Васильевич не прощал, и скрывать этого не собирался. Его же ненавидели, как правило, тайно. За многое, вплоть до факта физического существования.

* * *

Среди бумаг Павла Васильевича мне бросились в глаза его выписки из журнала «Вопросы философии». Вот фрагмент из них: «Фундаментальные исследования с их установкой на поиск неизвестных ранее явлений и закономерностей – это такой вид деятельности, при котором соблюдение свободы научных исследований является одним из важнейших условий не только успешности, но и самой возможности такой деятельности. Цели здесь определяются самой логикой научного поиска, и их привнесение извне исключается. Любые попытки координировать усилия ученых в этой области посредством директив каких-то высших авторитетов неизбежно разрушили бы ее как таковую» (ВФ № 12 1989: 11).

Сегодня, когда академическая наука находится в весьма плачевном состоянии, особенно понятно, почему добрую половину приведенных в этом отрывке слов он подчеркнул. На том же листочке П.В. Советов записал в пользу «чистой науки» свой аргумент: «Только фундаментальные исследования накапливают знания о развитии общества». Он никогда не разделял максимы «плохо другому – хорошо мне», поскольку его волновали глобальные вопросы о будущем Общества, Личности, Свободы, Науки. И он до конца был предан идеалам фундаментального знания. Во имя «планеты людей». Во имя своих и чужих.

Н.Д. Руссев